

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

М.В. Николаев

Казанский государственный университет

Ф.Е. Удалов

Нижегородский государственный университет

Проведен анализ мировой экономической системы с точки зрения взаимодействия ее различных элементов и подсистем. Приведено описание иерархии товарных потоков и организационных форм в мирохозяйственных отношениях. Сделан вывод об эффективности российской экономической системы на основе гоекономического подхода.

Оценка эффективности происходящих в экономической системе изменений возможна с точки зрения геоэкономических факторов. В основе такого подхода лежит исследование мировой экономической системы как единого взаимосвязанного целого, включающего в свой состав в качестве элементов национальные хозяйства (системы), надгосударственные объединения и союзы, и транснациональные корпорации [1]. Взаимодействие элементов или подсистем мирового хозяйства рассматривается в соответствии с данным подходом в рамках создания целостных воспроизводственных цепей, а эффективность определяется главным образом тем, в какую часть «цепи» удастся встроиться национальной экономике, какой класс товаров ею реализуется и насколько системе удалось выйти за рамки своих национальных границ за счет продвижения транснациональных корпораций. Суть этого взаимодействия заключается в первую очередь в сращивании под влиянием технологического единства отдельных частей различных национальных экономик во всемирные интернационализированные воспроизводственные процессы и циклы.

Одной из главных особенностей взаимодействия субъектов мирового хозяйства, непосредственно отражающейся на эффективности их функционирования, является такое изменение характера товарных потоков, а также самой товарной формы, когда, наряду с производством и реализацией единичных товаров или товаров-групп, происходит производство и реализация товаров-объектов и товаров-программ. При этом единичными товарами выступают, как обычно, отдельные изделия или сырьевые компоненты и полуфабрикаты. В качестве товаров-групп — ассортиментные наборы различных товаров и их комплектные поставки. Примером продажи товара-объекта может служить заключение внешнеэкономических сделок «генерального подряда» на строительство объектов различного назначения «под ключ». А примером наиболее сложной товарной формы — товара-программы является целостный комплекс функционально или технологически связанных предприятий, объектов и систем.

Соответствующие изменения претерпевают и организационные формы хозяйствования в зависимости от того, на каком типе товаров они специализируются. Например, специализация на производстве единичных товаров или товаров-групп осуществляется, как правило, отдельными фирмами или крупными объединениями с достаточно однородной организационно-экономической структурой, включающей весь обычный, «стандартный» набор подразделений производства, сбыта,

сервиса, отделов, связанных с поиском и освоением технологий из смежных отраслей, привлечением субподрядчиков, обучением и подготовкой специалистов, связанных с монтажом и эксплуатацией оборудования.

При специализации на производстве товаров-объектов в связи с тем, что производителю приходится объединять теперь значительно большее количество ресурсов и средств, а также мобилизовывать громадные финансовые активы и расширять сеть субподрядчиков, требуется создание уже новых организационных структур, включающих сложные производственно-коммерческие агломерации, пулы промышленных концернов, банков, научно-исследовательских институтов, лабораторий, консультационных агентств. В качестве примера подобного объединения можно привести крупнейшую французскую инжиниринговую компанию «Текнип», объединяющую ряд ведущих промышленных концернов. Другой пример — это инжиниринго-строительный концерн «Бетчел групп Инкорпорейтед», организационная эволюция которого при переходе на реализацию товаров-объектов осуществлялась как за счет разрастания «вширь», включения все новых подразделений, занимающихся обеспечением производственного процесса, так и «внутрь» — за счет перестройки и усложнения внутренней структуры организации.

Но наибольшие организационные изменения происходят при производстве и реализации товаров-программ, обуславливающих необходимость сращивания государственных и коммерческих структур путем создания особых органов и институтов в результате подписания межправительственных соглашений, организации смешанных компаний с участием национальных фирм, поддержки деятельности данных структур банковскими консорциумами, достраивания их различными военно-политическими организациями и союзами. В этом случае государство выступает в качестве глобального предпринимателя.

Обобщая сказанное, нужно подчеркнуть, что формирование описанной иерархии товарных потоков и организационных форм в мирохозяйственных отношениях значительно изменяет подход к понятию эффективности. На самых нижних этажах геоэкономической структуры она характеризуется, например, обычной прибылью, получаемой в результате производства и реализации единичных товаров и товаров-групп.

При специализации на товарах-объектах эффективность определяется уже долговременным экономическим и организационным эффектом, который образуется в результате того, что производственно-коммерческие агломерации вступают в длительные хозяйственные отношения с потребителем, обеспечивая проектирование, монтаж, эксплуатацию и сервис объектов, обучение специалистов и реализацию прочих сопутствующих функций. При этом происходит как бы своеобразное «вживление» агломерации в чужеродную организационную и национальную структуру, расширение и удержание рыночной ниши, а часто и получение сверхприбыли, связанной с нередко имеющей место разницей между требованиями, предъявляемыми поставленным технологичным товаром-объектом и неподготовленной для его эксплуатации национальной инфраструктурой.

И, наконец, при специализации на продвижении товаров-программ речь идет уже о долговременной геоэкономической, военно-стратегической и политической эффективности, которая достигается за счет объединения корпораций с различными государственными институтами. Учитывая большие масштабы подобных программных сделок, к их использованию привлекается огромное количество фирм, что позволяет отчасти за счет эффекта масштаба, а отчасти и из-за разницы в цене ресурсов снизить совокупные издержки. Системный эффект здесь, кроме

того, дополняется включением потребителя в сферу прямого экономического, политического и военного влияния поставщика товара-программы. При этом возникает уже монопольная прибыль, обеспечиваемая уникальностью каждой программы, а также поддержкой организационных структур, занимающихся ее разработкой и продажей, государственной политической и военной машиной, значительно снижающей конкуренцию в этой сфере.

Если проанализировать на основе вышеизложенного геоэкономического подхода эффективность российской экономической системы, то увидим, что общая получающаяся картина свидетельствует об аграрно-сырьевой и пока малоэффективной направленности ее развития, а также все более усиливающейся технологической зависимости от развитых стран. Действительно, в настоящее время однозначно просматривается не только специализация России в основном на экспорте единичных товаров — природных ресурсов, но и встраивание ее в низшее звено целостной мировой воспроизводственной цепи. Такая специализация, естественно, требует закрепления страны на уровне ресурсной экономики, что однако выглядит с точки зрения общей структуры мирового хозяйства малоперспективным.

Рассмотрим в этой связи изменение товарной структуры мирового экспорта (табл. 1).

Из таблицы 1 хорошо видно, что из трех товарных групп: готовые изделия, топливно-сырьевая группа и аграрные продукты — только первая характеризуется возрастанием доли в структуре мирового экспорта. Если еще в 1955 г. она составляла только 40,9%, то есть значительно меньше половины, то в 2000 г. — уже 77,1%, более двух третей, а к 2015 г. должна достичь почти 87% или более четырех пятых. При этом абсолютно большая доля приходится на машины и оборудование: 21,0% в 1955 г., 41,7% в 2000 г. и почти половину — 48,7% — должна составить к 2015 г. Значительно меньшая доля падает на химические продукты: 5,3% в 1955 г., 10,1% в 2000 г. и предположительно 12% в 2015 г., хотя и здесь имеет место неуклонный устойчивый рост. Более сложно изменяется доля потребительских товаров. Вначале, с 1955 г. по 1995 г., она быстро увеличивается с 7 до 18,9%, но затем несколько снижается в 2000 г. — до 17,2% и в дальнейшем остается примерно на том же уровне. Таким образом, полное доминирование в структуре мирового экспорта товарной группы «готовые изделия» очевидно.

Из таблицы 1 видно также стремительное сжатие «топливно-сырьевой группы» и группы «аграрных продуктов» относительно других секторов мировой торговли, что, как думается, связано с быстрым развитием постиндустриальной фазы мировой экономической системы, массовым переходом в этой связи на информационные технологии и общим значительным снижением ресурсоемкости мировой экономики.

На топливно-сырьевом рынке быстрее всего уменьшается доля сектора топлива и электроэнергии, на который в основном и ориентируется сегодняшняя российская экономика. Если еще в 1973 г. ее величина составляла 11%, то в 2000 г. — уже только 5,9%, а к 2015 г. она должна упасть до 2,9%.

Но наиболее высокими темпами происходит сокращение доли рынка аграрных продуктов — с 34,9% в 1955 г. до 11,1% в 2000 г. и предположительно до 6,6% в 2015 г., а внутри него стремительнее всего падает доля сектора сельскохозяйственного сырья, которая составляет на сегодня в общей структуре экспорта всего лишь около 2,5%, а к 2015 г. должна упасть, вообще, до 1,5%.

Таким образом, сегодняшняя аграрно-сырьевая направленность российской экономики и выраженный топливно-сырьевой характер ее экспорта с точки зрения геоэкономического подхода не позволяют говорить о ее эффективности.

Таблица 1

Динамика товарной структуры мирового экспорта в 1955–2015 гг. (в % к общему итогу в текущих ценах)

Товарные группы	1955 г.	1973 г.	1995 г.	2000 г. ¹	2005 г. ¹	2015 г. ¹
Готовые изделия	40,9	55,5	74,6	77,1	79,8	86,4
Машины и оборудование	21,0	32,7	38,3	41,7	43,9	48,7
Химические продукты	5,3	7,3	9,3	10,1	10,7	12,0
Другие товары производственного назначения	4,8	5,0	8,1	8,1	8,0	8,0
Потребительские товары	7,0	8,1	18,9	17,2	17,2	17,7
Топливо – сырьевая группа	23,2	21,5	13,6	11,8	10,0	6,5
Топливо и электроэнергия	11,0	11,0	7,7	5,9	4,1	2,9
Черные металлы	4,7	5,0	2,9	2,9	2,7	2,0
Руды, минералы, цветные металлы	7,5	5,5	3,0	3,0	3,2	2,1
Аграрные продукты	34,9	21,1	11,8	11,1	10,2	6,6
Продовольствие	21,9	15,0	9,1	8,0	7,6	5,1
Сельскохозяйственное сырье	13,0	6,1	2,7	3,1	2,6	1,5

¹ Прогнозные данные.

Источник: Шишков Ю. Структурные проблемы вхождения России в мировую экономику // Politekonom, 1998. — № 4 (11). — С. 39.

На снижении эффективности взаимодействия российской экономической системы с другими субъектами мирового хозяйства в результате все большей переориентации товарной структуры ее экспорта в топливно-сырьевой и аграрный секторы серьезную роль играет продолжающееся ухудшение технологической структуры экономики. Динамика этих изменений хорошо видна через процессы развития и замещения технологических укладов, представляющих собой целостные комплексы технологически сопряженных производств.

С XVIII века по настоящее время принято выделять, как известно, пять технологических волн и соответствующих им пять технологических укладов, для каждого из которых характерно свое ядро, состоящее из комплекса базовых взаимосвязанных отраслей, свои ключевые факторы развития, в качестве которых последовательно выступали: текстильные машины; паровой двигатель и станки; электродвигатель и сталь; двигатель внутреннего сгорания и нефтехимия, и наконец — микроэлектронные компоненты.

Наиболее значимы из них два последних уклада — четвертый и пятый, взаимодействие между которыми определяет многие особенности современной экономики. Большинство производств четвертого уклада уже достигли своей технологической зрелости и поэтому уступили или уступают место технологическим компонентам пятого уклада, с которым сегодня связываются тенденции постиндустриального развития.

При этом последний уклад предъявляет качественно новые требования к структуре энергопотребления, предполагая переход на экологически чистые энергоносители, на транспортные системы нового поколения с гораздо более высокой скоростью движения и пропускной способностью, на создание и использование в производстве принципиально новых композиционных материалов. Особую роль в экономическом развитии начинают играть процессы стимулирования и обеспечения непрерывности инноваций, переход от массового серийного производства к удовлетворению индивидуальных единичных потребностей, развитие гибкой автоматизации, внедрение более совершенных организационных типов материально-технического снабжения.

В то же время наблюдаемые сегодня особенности и тенденции долгосрочного технико-технологического развития позволяют сделать вывод, что пределы роста и пятого технологического уклада скоро будут достигнуты и произойдет очередная структурная перестройка мировой хозяйственной системы в направлении использования перспективных факторов экономического развития, связанных с применением в производстве последних новейших достижений науки.

Поскольку критерием эффективности развития хозяйственной системы с точки зрения технологической структуры является своевременная переориентация экономических ресурсов из отраслей и производств предшествующего уклада в базовые отрасли нового, то, следовательно, о степени эффективности хозяйствования можно судить по тому, насколько быстро и в полной мере удастся ликвидировать технологическую многоукладность и добиться опережающего роста передовых отраслей. При этом в качестве обобщенных показателей эффективности хозяйствования можно использовать показатели размера и темпов роста нового технологического уклада в структуре экономики.

С этой точки зрения для российской экономики по-прежнему характерна многоукладность и неразвитость механизмов эффективной переориентации ресурсов из технологически отсталых отраслей в базовые отрасли перспективного технологического уклада. Об этом говорят, в частности, измерения и оценки характери-

стик четвертого технологического уклада. В 1992 г. произошло его резкое снижение как по абсолютному размеру, так и по доле в экономической структуре. К 1994 г., например, по абсолютным характеристикам его развития российская экономика оказалась на уровне 1974 г., а по относительным — на уровне 1969 г. Доля продукции этого уклада в производстве потребительских товаров сократилась в 1990–1994 гг. с 52 до 42%, в аграрном комплексе — с 38 до 27%, в строительстве — с 50 до 42%, на транспорте — с 62 до 58%. Но еще более негативный характер имеют данные по оценке уровня развития пятого технологического уклада, который упал в 1995 г. до уровня 1990 г., а его доля в валовом выпуске промышленной продукции, и так составлявшая всего лишь 6%, сократилась до 2%, при этом в машиностроении — с 20 до 8%, а в производстве промышленных товаров для населения с 4 до 1%.

Самым отрицательным является то, что негативные тенденции отчетливо просматриваются и на более длительных временных периодах. Так, по расчетам О.Ю. Красильникова динамика технологической структуры экономики России за 1990–2000 годы выглядит следующим образом [2].

Удельный вес постиндустриального сектора, соответствующего пятому технологическому укладу, за десятилетие реформ сократился в целом по промышленности на 30%, в том числе в машиностроении на 20%. Рост на 2% имел место только в одной отрасли — лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, во всех остальных отраслях он либо упал, либо остался на прежнем уровне. Сократилась также и доля индустриального сектора — на 18% в нескольких отраслях промышленности (лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, производстве строительных материалов, в легкой и пищевой промышленности) и на 30% — в сельском хозяйстве при одновременном аналогичном росте в этих же отраслях доли доиндустриального сектора, в том числе в сельском хозяйстве — на те же 30%.

Судя по изменениям в материально-технической базе, эти тенденции сохранились и в последующие годы. Так, например, степень износа основных фондов в целом по промышленности выросла с 46,4% в 1990 г. до 52,9% в 2002 г., при этом в машиностроении с 47,5 до 54,8%, коэффициент обновления основных фондов в целом по промышленности упал с 6,9 в 1990 г. до 1,8 в 2002 г., причем в машиностроении с 6,6 до 0,8, соответственно, а коэффициент выбытия основных фондов снизился за этот же период по промышленности в целом с 1,8 до 1,2, а в машиностроении — с 1,6 до 1,2 [3]. Эти данные однозначно говорят об устойчивом замедлении научно-технического прогресса и о нарастании технологического отставания. Об этом же свидетельствует и ухудшение возрастной структуры оборудования в промышленности, проявляющееся в тенденции к его быстрому старению.

Так, доля оборудования в возрасте до 5 лет упала, по данным Госкомстата России, с 29,4% в 1990 г. до 6,7% в 2002 г., а в совокупности с оборудованием в возрасте до 10 лет, соответственно, — с 57,7 до 12,5%. Доля же производственного оборудования возрастом более 20 лет увеличилась с 15% в 1990 г. до 44,9% в 2002 г. и средний возраст его составляет в настоящее время 20,1 года [4]. Все это безусловно негативно сказывается на эффективности российской экономики, производительность которой в настоящее время почти в 4 раза ниже, чем в США, хотя на начало реформ она составляла от уровня США еще около 60%.

Таким образом, видим, что ухудшение технологической структуры российской экономики, обуславливая тенденцию к снижению ее эффективности, выступает на сегодня одним из важнейших факторов, определяющих в значительной мере

вынужденную и все более явную переориентацию структуры российского экспорта в сторону топливно-сырьевой и аграрной групп, и встраивание ее в нижние этажи мирового производства, о чем говорилось выше.

Литература

1. Кочетов Э.Г. Геоэкономика. — М.: БЕК, 1999; Wallerstein I.M. The Capitalist World-Economy.: Essays. Cambridge Univ. Pr., 1979.
2. Красильников О.Ю. Структурные сдвиги как фактор экономического роста в современной России. — В кн.: Формирование российской модели рыночной экономики: противоречия и перспективы / Под ред. К.А. Хубиева. — М.: ТЕИС, 2003. Ч. 2. — С. 110.
3. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Госкомстат России. — М., 2003. — С. 353.
4. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Госкомстат России. — М., 2003. — С. 354.